

Михаил Сkachидуб

**ЗОЛОТАЯ
ВЕРБЛЮДИЦА**

18+

Михаил Сkachидуб
Золотая Верблюдица

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Скачидуб М.

Золотая Верблюдица / М. Скачидуб — «ЛитРес: Самиздат»,
2014

Как известно – вся история человека от Адама и Евы, непрерывно связана с бытом. Семейная жизнь – это быт. И рождение человека, и жизнедеятельность, и любовь, и свадьбы, и болезни, и смерть – это быт. Из этого и состоит наша жизнь. В атмосфере развивающегося Быта произошла некая деформация рассудка многомиллионного народа Земли. Создалась идеальная среда многочисленных сделок с совестью, откровенного бесстыдства, разврата и кровавых преступлений. Историческая ситуация породила мутантов сознания – этой гремучей смеси от «Добра» и «Зла». Моя коллега по перу, Муза, имеет оригинальный подход к художественному изображению явлений и событий – совмещать вымысел с реальностью...

Михаил Скачидуб

Золотая Верблюдица

«Судьба, как женщина, сдаётся, чтобы повелевать...»

... Пустыня, отшумев свирепо, успокоилась барханами. Утомлённая солнцем и любовью Мария лежала в золотистом шатре, смежив очи. Ей ещё чудилась музыка молитвы, обращённой к богам и к ней, возлюбленной Анхелем, ... то была музыка...

Глава первая. Машенька Форсик

Какой бы большой роман судьбы человека не был, он начинается с детства и, какими бы путями не шли Он и Она, раньше или позже, но они приходят к той жизненной точке, которая должна их соединить.

Машенька носилась, как все девчонки и мальчишки, вихрем в играх, пасла на толоке гусей и свиней, набивала карманы пшеницей тёртых колосьев и семечек подсолнечника, добывала земляные орехи, в лесу лазила по деревьям за грачиными яйцами, жарила на костре пойманных перепелов и воробьёв. Озорная девчонка носилась верхом на хворостине с пышным хвостом листьев по пыльной дороге хутора и орала, пугая всех:

– Едут! Едут! Усих «врагив народа» ликвидировать!»! – отчего взрослый люд хутора прятался во дворах, проклиная Машку Форсик:

– Дура набитая. Накличет беду, зараза неумытая. «Дура», потому что в отличие от других пацанов и девчонок, любила книжки читать про любовь. И чем её, страхолюдину, книжки про любовь приманивали, мы, её сверстники, не понимали и считали её, как и взрослые, дурой и приспособили ей прозвище «Емелька».

Сама она виновата, рассказывая нам на толоке про Емельку-дурачка, который ездил на печке, а потом в царевича превратился. Машка и в речке купалась не так как все. Залезет в муляку, обмажется с ног до головы грязюкой и орёт, размахивая руками, как ведьма:

– Хто пыдйдэ до мэна, усих потоплю! Мы боялись к ней подходить и спрашивали изда-лека:

– Машка, ты чёго в грязюку выделалась, як мания? – на что она отвечала, ещё больше намазываясь грязью:

– Цэ я грязючи ванны прымаю, шоб красивой буты, як вырасту.

И домазалась... К пятнадцати годам невинное личико Машеньки было обрамлено светло-золотистыми волосами и очаровывало окружающих своими голубыми глазами. Она часто и заразительно смеялась, так как уже понимала, как красивы её зубки в разрезе пухлых губ. Наряду с соблазнительными формами девичьего тела, она влекла к себе естественностью и мелодичным звуком голоса.

Машенька по своему развитию уже перешагнула порог детства, и её терзал порок – нарушать все предписания законов о малолетстве, вселенском грехе и тому подобном. Мальчишки хутора, несколько постарше Машеньки, уже передрались из-за неё. Каждый жаждал иметь такую прелесть своей.

Машенька, словно её учили с пелёнок, соблазняла не только сверстников, но и хуторских парней постарше, и чего греха таить, мужчин школы, один из которых директор, другой – учитель русского языка и третий – физрук, который статью был хоть куда! Сажень в плечах, курчавый, а глаза сверкали, и были наполнены жаждой жизни. Как ему не сооронить глазки и не улыбнуться застенчиво? Ей, девочке-кокеточке, которой, по сути своего пола, она и была.

С физруком для Машеньки была одна «заковыка» – Виктор Алексеевич, её двоюродный брат, сирота, которого приютили родители Машеньки. Но... Красавец! Весь в отца, безвременно погибшего, а тот пользовался успехом своей силой и красотой у станичниц, и не только.

Недаром мама Машеньки, его сестра, частенько величала его «кобель блудливый», на что он только улыбался да подкручивал ус.

Другое дело – директор школы. Правда, и тут маленькое препятствие – он несколько старше Машеньки, ему уже за сорок лет, но он как настоящий бог любви Амур с глазами полными таинств и очарования. Из этих глаз, словно стрелы нежности, вонзались в юное сердце Машеньки и она при виде Ивана Петровича, трепетала.

А чем учитель русского языка и литературы плох?! Одних стихов в нём столько, что так бы и слушала его всю ночь, прижавшись к его тёплому сердцу. Старшие девчонки о нём, говорят:

– Семён Семёнович Померанцев – любитель музыки и танцев, и миловать он может. Ну, вообще «Душка»!

За ним от девчонок прозвание так закрепилось, что настоящей его фамилии в станице не произносилось. И он Машеньку, как любопытную Пандору, влёт.

Никакой вины за собой Машенька – школьница не чувствовала, общаясь с ними. Это же её естественное поведение – быть кокеткой с мужчинами. А то, что этим она соблазняла их на амурные действия – не её вина, а Природы-Матушки. И, если она смотрела на существ противоположного ей пола молча, а тем становилось понятным, что её волнует, так в чём её вина? И почему это предосудительно, безнравственно? А у кого подобное не проявлялось даже при соблюдении целомудрия?

За что же осуждать мужскую половину рода человеческого, которых, как магнитом, тянет здоровая девочка четырнадцати лет, кокетливая, грациозная, дышащая терпким очарованием пробуждающейся женственности? Да, она ещё невинна, но это не означает, что она целомудренна. Да, она девственница! Но девственность её носит исключительно физиологический характер, она, выражаясь современным языком, чисто «техническая», в то время как ей отлично ведомо сексуальное наслаждение.

Конечно, в пятнадцать лет доверить свои чувства Машенька не могла даже самому близкому человеку. Вот подсмотреть за ним, увидеть в нём то притягательное, отчего вспыхивают в ней желания можно было только в своей семье.

Так её сводный брат стал пристальным, скрытым объектом её внимания. Именно из родного, домашнего развивалось её чувство, скрытое от чужих глаз, сокровенное, тайное, кровное, внутрисемейное, не подлежащее огласке, то есть инцестуозное.

Машенька не могла не заметить, что Виктор стал как-то особенно на неё обращать внимание и иногда, положив свои руки ей на плечи и, как-то загадочно глядя ей в глаза, говорил: "Машенька, какая ты уже взрослая и красавица!"

Поздно вечером, уже лёжа в постели, она вспоминала, как он смотрел на неё, прикоснулся, и что она при этом почувствовала. Она стала непрерывно думать о нём. Он стал для неё самым красивым, а вскоре – любимым. Её кокетство, без которого нет ни девочки, ни девушки, ни женщины, она перенесла исключительно на Виктора.

Она захотела его ласки и решила сделать всё для этого. Попробуйте запретить ей! И вы увидите, на что способна эта юная красавица! То, что подчас приходит ей в голову, когда она в ударе, когда она хочет – это же сущий кошмар, исходящий от этой с виду вполне добропорядочной школьницы!

Машеньке шёл семнадцатый год. Приближался её день рождения. Она, наводя чистоту в комнатах, мыла полы. Стоя на расставленных широко ногах, сгибалась в талии и, держа половую тряпку двумя руками, мыла пол, двигаясь всем телом вправо-влево, она не могла не обратить внимания Виктора. А когда становилась на колени, вытягиваясь телом, чтобы помыть под кроватью, зад её обнажался так, что обворожительные ягодички в трикотажных трусиках очень рельефно были перед глазами Виктора.

Виктор, лёжа в своей постели, наблюдал за Машенькой. Не отрывал глаз от магического бутона меж широко расставленных ног Машеньки, до тех пор пока она, повертев задом и вымыв под кроватью, вылезла оттуда. Была она как маков цвет лицом и, видя Виктора, жадно глядящего на неё, вперив свой взгляд в его, ещё более покраснела и спросила:

– Тебе не стыдно заглядывать мне под юбку, когда я мою под кроватью? Ты думаешь, я не чувствую?

– Нет, не стыдно. Тебе же не стыдно показывать мне такую красоту.

– Я тебе ничего не показывала. А ты пользуешься моментом. Я вот маме скажу. Она тебе по шее надаёт.

– Маша, неужели ты такая дура, и станешь матери говорить? Если тебе это противно, я никогда больше подсматривать за тобой не буду. Между прочим, ты думаешь, что я не знаю, что ты за мною подсматриваешь, как только я ложусь в постель?

– А ты не подсматриваешь?!

– Я?!... А ты видела?

– Я не дурочка. Видеть не видела, а почувствовать – почувствовала..

– Машенька, – говорит Виктор, кладя ей руки на плечи, – я больше не буду, – а сам от стыда горит от мизинца ног до корней волос на голове.

– Не будешь?!... А это мы посмотрим! Ты такое же брехло, как и все вы мужики.

– Откуда ты, малявка, знаешь какие мужики?

– А ты знаешь, как пялится на меня Иван Петрович?! А Семён Семёнович? У него скоро косоглазие будет. Он же косит ими на уроках только на меня.

Поражённый словами Машеньки, Виктор не знал, что и говорить ей. Помолчав, и подняв на Машеньку посерьёзневшие глаза, сказал:

– Я не брехло, а твой брат.

– Ну, хорошо, я маме ничего не скажу, а ты... Ты меня понял?... А то получишь за любопытство!

После этого случая Виктор всячески стремился не слышать вздохи из крохотной спальни Машеньки, не принюхиваться к запахам, исходящим от её девичьего тела, а ложась в постель, сразу отворачивался к стенке лицом и пытался уснуть, не думая о Машеньке. Но... не получалось так. Лежит, притворяется спящим, а всё в нём там... в спальне Машеньки, под её одеялом. Её девичья спальня совсем ведь рядом, и двери в ней нет. Лишь занавесочка в проёме двери скрывает от глаз всё, что за ней. А спальня ведь всегда полна таинственных шорохов, вздохов и запахов. И какие только фантазии не будоражили кровь Виктора! Доходило до того, что он скрипел зубами, впитывая в себя флюиды девственной Машеньки.

Всю весну, лето и осень старался Виктор забыть о своих желаниях понежиться с Машенькой. Благо, что отбоя не было от девушек постарше, уже не школьниц.

А Машенька сходила с ума, видя как он избегает её взглядов, не реагирует на её заигрывания, как-будто она из красавиц для него превратилась в дурнушку. Её это мучило. И решение добиться своего взяло верх над холодностью Виктора.

...Настали крещенские морозы. Родители Машеньки уехали к родичам в город. Падая снег, и безлунной ночью печально белела мёрзлая равнина степи за хутором. В полночь волкодав Султан принялся выть, как собаки воют по покойнику. Ходики на стене пробили полночь. Султан не умолкал, вновь и вновь зловещий заунывный вой лез в душу Машеньки, а мороз пробежал по телу, и у неё от страха стучали зубки. Она не выдержала, встала из своей постели, подошла к кровати Виктора и лаской шмыгнула к нему под одеяло.

– Ты чего это, Машка?! – проснувшись, удивился Виктор

– Страшно мне. Слышишь как воет Султан?

– Так он не один воет. Что ты не слышишь, все собаки хутора воют. Это они от любви и тоски по сучкам на луну воют... Иди спи. Я же дома. Чего тебе бояться. Иди, иди, не бойся.

– А можно, я с тобой спать буду? – С этими словами она всем телом прижалась к нему, а он обнял её, говоря:

– Перестань труситься. Спи, раз тебе так хочется.

...Но не спалось... И настало то чудное мгновение, когда Машенька вскрикнула:

– Ах! – и впилась зубами в плечо Виктора...

Они любились, не чувствуя кровных уз, как страстные любовники, до тех пор, пока не запел петух в курятнике, возвещая зарю нового дня юной женщины, Машеньки Форсик.

Глава 2. Тайны любви.

В тайной любви и ласках Машеньки и Виктора время не шло, оно несло вихрем, кружа голову любящей паре аж до десятого класса. Машенька от той любви зацвела буйно, как сирень в садах соловьиных, а таинство любви придавало ей неистовую страсть к Виктору, который стал её божеством. Узы крови её не волновали, и остановить в любви не могли. Машенька любила без всяких раздумий.

Виктор понимал, что грех так любить сестру, хоть и двоюродную, и, лёжа в постели перед образом Божьей Матери, зарекался прекратить эту любовь. Но, когда в ночи Машенька глазами, всей красотой и запахами своего существа обволакивала его как дурманом, он думал: «Быть может, Бог создал такие ночи, чтобы покровом неземной чистоты облечь любовь человеческую».

И он отступал перед этой всемогущей божественной силой страсти. Его дурманили рыжеватые волосы Машеньки, которые ниспадали на её плечи и грудь, и оттеняли молочной белизны кожу. Не в силах отказать себе в наслаждении, он наклонялся над нею и миловал её с нежностью.

Тело её источало сильный и пряный аромат, а сладость её алых потаенных губ подобна была вкусу треснувшего от спелости плода персика... И они вновь «решили».

До какого «греха» они долюблились бы, то знал один Бог. Но он решил, что хватит и тех счастливых мгновений и... разлучил их под благовидным предлогом.

Почтальон привёз из райцентра повестку Виктору явиться в военкомат. Там ему объявили, что отсрочка от службы в Вооружённых Силах СССР с него снимается, и он обязан явиться через трое суток в военкомат для отправки к месту службы – на Тихий океан.

Дни перед отъездом пролетели, как сон. За свои двадцать два года он не видел столько слёз матери и... Машеньки. У каждой слёзы были свои.

В последнюю ночь, выйдя за ограду, остановился и окинул взглядом всю равнину степи, озарённую ласковым, мягким светом, тонувшую в серебряной мгле безмятежной ночи. Лягушки в речке были в ударе и их концерт заполнял пространство, а в вешняке заливались соловьи, рассыпая мелодичные трели своей песни, той песни, что гонит раздумье, пробуждает мечтания и как будто создана для поцелуев, для всех соблазнов лунного света.

Вдалеке, по берегу речки, тянулась извилистая линия кущей ив. Лёгкая дымка, пронизанная лучами луны, словно серебристый белый пар, клубилась над водой и окутывала все излучины русла воздушной пеленой из прозрачных хлопьев. Виктор присел на отживший свой век ствол ивы у самой реки. Его душу переполняло неодолимое, все возраставшее умиление.

– Ты думал, что я не найду тебя! – плеснулся ласковый голос Машеньки в душу Виктора. Она, с зарёванными глазами, села рядышком и склонила голову к нему на грудь. Так они сидели некоторое время молча, а затем она спросила:

– Витенька, зачем бог создал всё это? Если ночь предназначена для сна, для покоя и отдыха, зачем же она прекраснее дня, нежнее утренних зорь и вечерних сумерек? И зачем сияет в неторопливом своём шествии эта пленительная луна, более загадочная, чем солнце, такая тихая, таинственная, будто ей указано Богом озарять то, что слишком сокровенно и тонко для дневного света? Почему и зачем луна делает прозрачной мрак?

Виктор прижал любимую к себе, стал целовать её щёки, глаза, пальчики рук. Ему хотелось заплакать. Он не мог говорить, а она продолжала:

– Витенька, любимый мой. Скажи мне зачем соловьи не отдыхают ночью, как другие, а поют в трепетной мгле? Зачем эта тревога в сердце, это волнение в душе, эта томная нега в теле? Зачем раскинуто вокруг столько волшебной красоты, которую люди не видят, потому что они спят в постелях? Для кого и чего сотворён этот чудный мир, эта поэзия, исходящая с небес?

– Для тебя, Машенька... любимая, для тебя, – целуя, шепчут губы Виктора.

А через месяц Виктор, уже матрос подводного корабля, получил, записанное на мягком диске, письмо от Машеньки, в котором она писала и пела:

– Витенька, любимый, «Помню, как в сказке я, звёздочки ясные, встречи, что сердце влекут, слово прощальное, голос твой ласковый помню, забыть не могу...»

... Что мог ответить Виктор?

Прошло не мало времени, прежде чем Виктор написал Машеньке: «Машенька, моя любимая, возможно, ты осудишь меня, но не можем мы создать с тобой семью. Мы хоть и двоюродные, но брат и сестра. Я не хочу, чтобы нашу семью постигла кара божья и проклятье родителей наших. Если можешь, прости меня. И будь в любви свободна. Я же тебя и нашу любовь никогда не забуду. Прощай, любовь, прощай. Простить мне обещаю...»

Это было как гром среди ясного неба для Машеньки. Это было, как рванувшая глубинная мина под нею, это была катастрофа юной любящей женщины, это было схождение лавины слёз из поражённого сердца и немой вой души!

С опустошённой душой Машенька продолжала жить. Всё у неё валялось из рук. В школу она ходила, но и там в голову ей ничего не шло. Сидела мумией египетской на уроках, не в силах мыслить ни о чём, кроме растерзанной судьбой её любви.

Дело дошло до того, что Иван Петрович, директор школы, вызвал родителей Машеньки и предупредил о том, что она не сдаст выпускные экзамены, а так как на второй год в десятом классе не оставляют, то ей вместо аттестата выдадут справку, с которой она ни в какой институт не поступит и будет в колхозе коров доить или с тяпкой буквой «Г» в поле корячиться.

Отец и мать Маши, разумеется, не знали, отчего на глазах увядает их дочь, отчего она, всего пол-года назад, сияющая красотой девушка, упала духом и тоска в глазах её вызывала страх у матери за её жизнь. На все мольбы матери Машенька лишь страдальчески смотрела на неё и алмазинки её слёз катились по увядающим щекам.

– Доченька, – молила мать, – возмись за ум. Закончи школу. Может Бог даст в институт поступишь. Что же, и ты быкам хвосты крутить, как я, будешь? Доченька... Ты же посмотри на себя... Это же страх господний... Доченька, пожалей себя и мать свою с отцом.

Через неделю Машенька сказала маме:

– Я и школу закончу и в институт поступлю, только ты, мамочка, не страдай.

И вот вскоре утром на МТФ соседка, такая же доярка, как и мать Машеньки, сказала ей:

– А твоя Машка загуляла.

У Дарьи Ивановны, матери, горло перехватило. И когда к ней вернулся дар речи, она вскрикнула:

– Надька! Ты брэшешь!

Та прижала руку к сердцу:

– Истинна правда, убый мэнэ Бог, як шо брэшу. Сама бачила як она, колы ты с Емельяном уже дрыхните, а Машка через викно убегает из хаты и до ричьки подается. Я и подследыла по своёму бабскому любопытству. Там я и застукала. С Сёмкой она там валандается.

– С яким Сёмкой? У нас в хутори одын Сёмка. Так вин учитэль.

– Вот з ним она и любыться. Да ты сама сходы туды меж дэсятю и дванадцатю ночи. Сама и побачишь.

Дарья Ивановна весь день молчала, кипела возмущением и радостью. Гнев к Семёну, учителю, примешивался с радостным чувством к непобедимой силе любви, которое возвращало её дочь к жизни.

Мать выследила дочь.

На дальнем краю луга, под купами ив, увлажнённых радужным туманом, появились рядом ОН и ОНА.

Семён был выше ростом Машеньки, он шёл, обнимая свою подругу за плечи, и, время от времени склоняясь к ней, целовал. Затем мать увидела, как они оказались единым существом, для которого предназначена была эта ясная и безмолвная ночь. И она не воспротивилась этой божьей воле.

– Значит, Господь дозволил им любить друг друга, – подумала мать и смиренно ушла.

А началась эта любовь так: в школе Машенька, подойдя к Семёну Семёновичу, и, глядя ему загадочно в глаза, произнесла:

– Мне надо с Вами поговорить. Я буду ждать вас у речки в десять вечера.

– А если я не приду?

– Я буду ждать Вас хоть всю ночь, – её глаза превратились в манящие омуты озёрные, отчего учитель тут же и утонул в них. – Я же Вам нравлюсь!

Семён Семёнович свой, станичный. Он закончил пединститут, как направленец из колхоза, и второй год, как преподаёт в школе. Особой красотой он не блистал, но умением очаровывать окружающих его школьниц мог мастерски. Нередко он чувствовал, как устремляется к нему женская нежность, и хотя он твёрдо был уверен в своей неуязвимости к этому как учитель, как мужчина чувствовал их потребность в любви, вечно томящую душу женщины.

Он был убеждён, что Природа-Бог создала женщину лишь для искушения, для испытания мужчины. Что приближаться к ней следовало осторожно и опасливо, точно к западне, ибо руки её простерты для объятия, а губы отверсты для поцелуя. Что в сердце их живёт извечная нежность, готовая откликнуться на ласку. И чего греха таить? – грешил он не однажды, как и сейчас, идя на свидание со школьницей.

Он размышлял – на носу выпускные экзамены. Машеньке скоро семнадцать лет, какой же тут грех перед Богом и законом? И почему она так сказала:

– Я же вам нравлюсь? – А смотрела как!

Когда он подходил к Машеньке, он не представлял, как ему вести с ней. Подойдя к ней, он не сказал, а по-детски пролепетал:

– Маша, как ты сказала, я вот пришёл. Ты о чём хотела со мной поговорить и чего ты не стала говорить со мной в школе? – Он осознавал, что говорит совсем не то, о чём втайне хотел и чувствовал к этой совсем молоденькой и прехорошенькой женщине. А у Машеньки были чудесные глаза, великолепные золотистые волосы, волнистые, слегка выющиеся, от неё веяло ароматом росистого поля клевера. И так хотелось ощутить вкус её губ, шеи, груди, но... "Что она подумает обо мне, я же ведь школьный учитель," – билось в его сознании.

Но Машенька сама разрешила все его сомнения.

– Семён Семёнович, я безумно счастлива от ваших стихов, что вы мне в учебник литературы подложили.

Он покраснел, как провинившийся школьник, но спросил:

– Тебе понравились?

– А вы можете мне сказать эти стихи сейчас?

И он начал читать:

– ...Ты моя девочка в ситцевом платье, ты моя девочка вся из цветов...

Женское безошибочное чутьё подсказывало Машеньке, чего хотел Семён Семёнович и она посмотрела на него с большой ласковостью.

– Вы так добры ко мне и я хочу Вас отблагодарить. Можно, я вас расцелую?

И Машенька, которую он так желал давно, коснулась своими влажными волшебными губами его губ долгим-долгим поцелуем. Мир перевернулся в его сознании. Будто мальчишка, он шептал:

– Машенька... – Его шёпот был жарким, волнующим. – Машенька... – Его губы коснулись её груди. – Машенька...

– Ну ладно, – выдохнула она. – А вы мне поможете в школе, ведь скоро экзамены?

– Я для тебя, девочка ты моя, всё сделаю.

– Но только это один единственный раз...

– Любимая... Машенька... без тебя мне весь мир ни к чему..., – шептал Семён, утопая в неге девичьего тела.

Уже темнота царила, и таинственно сияли звёзды, и молчаливый воздух весенней неги плескался нежно над водой...

Глава 3. Жертвенность Маши Форсик

Задуманное Машенька перед выпускными экзаменами исполняла тонко. Семён Семёнович был у её ног, а он завуч школы. Оставалось соблазнить Иван Петровича, директора.

Кто же в станице не знал, что Иван Петрович хороший семьянин и уважаемый в РОНО директор школы? Но кто мог знать, что он испытывал одно из самых тягостных ощущений – безответное влечение к Машеньке? Только в том не мог признаться даже ей. Часто в ночи ему чудится: вот она войдёт, улыбнётся, раскроет объятия. Её образ, зыбкий и в то же время отчётливый, то возникает перед ним, то ускользает, овладевая им, заполняя сердце, волнуя чувства своим призрачным присутствием. Его взор видит её, его преследует аромат её тела, на губах он ощущает её поцелуи, на коже – её ласку. Долго не может уснуть, встаёт, выходит за порог в сад, и глядя на луну, курит.

И, когда десятиклассница Маша Форсик, постучав в дверь его кабинета, вошла, то Иван Петрович оторопел. Перед ним стояла не школьница. Он почувствовал что-то странное, волнующее, возбуждающее, какую-то тайну любви, веящую упоительной неясностью. Это была школьница в своём новом облике, в новом теле, которую ещё никогда не касались его губы наяву. При виде такой школьницы- женщины, у Ивана Петровича мгновенно сработал инстинкт мужской природы.

Как директор школы войти в положение ученицы он решил потом, а незамедлительно войти в неё сейчас же, пока она не передумала. И он смотрел на неё с жадностью удава. Его глаза обволакивали великолепную грудь – упругую, в лёгком загаре, соблазнительную до того, что у Ивана Петровича по спине пробежали мурашки. А когда Маша сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.